

«Меск. Криве» № 10921

Радость празднщика — горечь реалий

В приснопамятные совковые времена (для кого — благодатные, для кого — треклятые), отгородившись от остального мира «железным занавесом», наши правители то и дело устраивали грандиозные, пышные, показушные шоу — декады, недели, дни культур союзных республик. После войны к ним прибавились такие же парады-алле стран «социалистического содружества». Все режиссировалось, четко планировалось заранее: чтобы никаких проколов, ни-ни! И столь же дружно пресса откликнулась на них в должном тоне.

Сегодня — все иное. Думается, к счастью для всех.

1-й Международный театральный фестиваль имени А. П. Чехова, который действительно **ВПЕРВЫЕ** проходит в нашей стране, своим основным условием провозгласил полную свободу его участников от каких бы то ни было предварительных согласований репертуара, диктата отборочных комиссий, даже жюри на период самого показа спектаклей. Единственное требование — высота художественного уровня спектакля, а уж что захочет показать та или иная страна-участница — ее личное дело. Прессе тоже дана полная свобода: анализируйте свои суждения, анализируйте, хотите — хвалите, считаете нужным критиковать — ваше право.

Первые просмотры уже показали: соскучившись по свежим театральным впечатлениям за последние летние месяцы, публика хлынула в фестивальные залы. (Говорят, на открытии 4 октября перекупщики брали за билет аж по тысяче рублей!). Дружно откликнулась шквалом рецензий пресса. Амплитуда мнений — от безоговорочного признания до разгрома и хулы. Свобода — так свобода!

Как и положено, фестиваль открыли хозяева: русский драматический театр — БДТ имени Г. Товстоногова из Санкт-Петербурга спектаклем «Коварство и любовь» Ф. Шиллера в постановке грузинского режиссера Темира Чхеидзе. На следующий день «Вишневый сад» А. П. Чехова играл немецкий театр «Шaubjone» из Берлина, руководимый знаменитым Петером Штайном, влюбленным в драматургию Чехова и русский театр. А на третий день Киевский театр имени И. Франко показал «Тевье-Тевель» по Шолом-Алейхему — пьесу Г. Горина, больше известную как «Поминальная молитва».

Прекрасное название начала фестиваля: пьесу немецкого драматурга ставит грузинский режиссер в русском театре; на украинском языке говорят великого еврейского писателя; а немецкая труппа привозит нашего Чехова, поставленного в лучших традициях русского реалистического театра. И на сцену выходят, чтобы открыть фестиваль, вместе с О. Ефремовым, М. Захаровым, И. Смоктуновским, С. Юрским, П. Хомским немец П. Штайн и эстонец М. Миккивер. Слава Богу, никаких национальных розней. Дружественное соревнование талантов — и только.

Спектаклей Большого драматического театра, по-праву носящего ныне имя Георгия Товстоногова, Москва не видела уже много лет. «Коварство и любовь» — первая встреча столичных зрителей с коллективом после ухода из жизни его руководителя. Свыше тридцати лет спектакли, поставленные в БДТ Г. Товстоноговым, являли собой для всего тогдашнего советского театра эталоны высокой театральной культуры, смелости и ясности режиссерской мысли, совершенства актерского мастерства. Да, наверное, в сегодняшней постановке «Коварства и любви», если очень придираться, как это уже сделали некоторые критики, можно найти отдельные недостатки, главным из которых, на мой взгляд, была невнятность речи некоторых актеров, когда целые куски текста были не слышны даже в партере. Но то, что мы увидели прежний, блистательный БДТ, где виртуозные мастера старшего поколения, как А. Фрейндлих, К. Лавров, составляют единый ансамбль с молодежью (Е. Попова, М. Морозов), где четкий, почти графический режиссерский рисунок оборачивается как бы непринужденной актерской импровизационностью,

где на сцене царят строгие вкус и стиль, — все это, думается, бесспорно. Не случайно же оба вечера, когда игрался спектакль, зал неистовствовал от восторга. Зрители соскучились по настоящему, высокому искусству и искренне благодарили за него.

На пресс-конференции по спектаклю говорилось о том, как трудно было театру после кончины своего руководителя найти режиссера, близкого ему «по группе крови». При всей своей несхожести в методах работы с Г. Товстоноговым, при всей своей яркой индивидуальности Т. Чхеидзе оказался именно таким режиссером, близким театру по духу и крови. Как образно сказал К. Лавров, ныне возглавляющий БДТ, Чхеидзе стал для труппы в тяжелой ее период спасательным кругом, поплавком, на котором она держится. Театр живет в напряженном творческом ритме, атмосфера дружбы и взаимопонимания сплавливает коллектив. Стремление идти навстречу своему зрителю, не растерять его основное ядро — интеллигенцию, самую малообеспеченную сегодня, определяет цену билетов БДТ — 10 рублей — неслыханно низкую по нынешним временам. Зато у театра постоянные стабильные аншлаги как дома, так и на гастролях, каждый спектакль играет как премьеры — тому пример «Коварство и любовь», идущий уже третий сезон.

Не меньший успех сопровождал и «Вишневый сад» П. Штайна в декорациях Кристофера Шубигера, скрупулезно, как и режиссер, соблюдающего до мельчайших подробностей чеховские ремарки, но при этом, тоже как и режиссер, остающегося художником-поэтом, а не усердным исполнителем-подмастерьем.

П. Штайн не устает повторять, что если что-то и сделано им в искусстве, то этим он обязан русскому театру и русскому актеру, чье искусство для него непостижимо. Прославленный режиссер, конечно же, чуть-чуть кокетничает своей скромностью, ибо если какой-то театр еще сумел сохранить и донести до наших дней нетленную прелесть

молодого МХАТa времен К. С. Станиславского, то это его, штайновский «Шaubjone ам Ленинер плац». Улавливаете иронию судьбы в этом сочетании духа и месторасположения театра? То, что на протяжении десятилетий медленно, но неуклонно теряли мы в духовной культуре под ленинскими лучами, бережно, с любовью аккумулировалось в стенах здания на «Ленинер плац», чтобы дорогим подарком вернуться на сцену, осененную летящей чеховской чайкой.

Для тех, кто видел «Трех сестер» в постановке П. Штайна в прошлые приезды «Шaubjone» в Москву, «Вишневый сад» не столько открытие, сколько счастливое подтверждение неисчерпаемости Чехова-драматурга и школы русского психологического реализма. Режиссер пристально, с какой-то благоговейной любовью вглядывается в каждого персонажа пьесы, вслушивается в каждую фразу текста, находя действенное выражение каждому слову, от чего короткие в чтении эпизоды разворачиваются в спектакле в многоплановые сцены (это особенно касается 3-го акта с балом, многочисленными гостями и еврейским оркестром в полном составе), и тогда начинает казаться, что актеры произносят вдвое больше текста, чем было написано автором. А режиссер все глубже и глубже погружает нас в блистательно воссозданную атмосферу агонирующей дворянской усадьбы с ее прекрасными, но абсолютно недееспособными обитателями и силой своего таланта каким-то непостижимым способом сблизает нас с ними, открывая в них присущие нам, нынешним, и мысли, и черты, и характер поведения. Актерский ансамбль настолько сложен, что не хотелось бы выделять кого-то особо, разве что Ютту Лампе — Раневскую — легкую, изящную, утонченную, словно и неземную вовсе, и такую незащищенную, ранимую, гонимую по жизни ударами несправедливой судьбы. Господи, ловишь себя на мысли во время спектакля: да неужели же это немецкие актеры ТАК играют нашего Чехова?!

А что же мы-то! Где, на каких семи ветрах растеряли собственное достоинство, превратились в иванов, родства не помнящих, и теперь у зарубежных гастролеров учимся постигать свое наследие.

Конечно, и в этом спектакле можно найти мотивы для критики, особенно отдельные штрихи, выдающие незнание режиссером каких-то деталей сугубо российского бытия. Но, думается, эти детали столь же незнакомы и доброй половине нашей отечественной публики. Так стоит ли упрекать в том П. Штайна?

Спектакль был поставлен в 1989 году, возобновлялся в 1991-м и снова собирался для поездки в Москву, на фестиваль. По сути — третья редакция, а живет, дышит, словно только рожденный, только-только вздохнувший полной грудью. Высочайший профессионализм, мастерство? Бесспорно. Но еще и талант, и любовь. Последнее, пожалуй, сильнее всего.

В «Тевье-Тевеле» украинцев я бы сразу выделила двух главных героев: Богдана Ступку, исполнителя роли, а вернее — живущего жизнью Тевье, и художника Даниила Лидера, своим творческим озарением поднявшего заштатную Анатовку с ее скромными обитателями до космических высот. (Эту мысль уже высказывали коллеги-критики, и я лишь присоединяюсь к ним). Невозможно забыть, как в трудные минуты принятия важных решений или просто раздумий о жизни поднимает голову героиней Ступки и, чуть склонив ее набок, устремляет взор к небу, словно вопрошая плывущий над ним Млечный путь. И только после безмолвного диалога с небом спокойно и всегда по-житейски мудро отвечает земному собеседнику. А разве изгнание еврейской части населения Анатовки за черту оседлости не рождает ассоциаций с библейским исходом гонимого народа из Египта? Вот так же, в просторы Вселенной, по спирали myriad мерцающих в черной бесконечности звезд.

Но, разумеется, не будь тут постановщика Сергея Данченко, не было бы вообще всего спек-

такля с его особым ароматом маленького, мирного еврейского местечка, где радость и горе одного делится разом на всех, где праздники справляют всем селом — русские, евреи, украинцы — вместе. И тогда над сценой словно бы незримо встает образ забвенного ГОСЕТА — театра великого С. Михоэлса, с потрясающей органикой его актеров, умением сливать воедино сцену с залом.

Сравнивать, сопоставлять эти три спектакля бессмысленно, неправомерно. Каждый — законченное произведение сценического искусства. И все-таки есть нечто их объединяющее: бережное, любовное отношение к авторской мысли и слову, стремление понять, а не взломать их потаенный смысл, а значит — приблизить к зрителям, помочь и им понять то, что волновало людей на заре нашего века и двести лет назад. Искусство, озаренное светом души, всегда согревает. Оно не признает границ, а тем более национальной розни.

И тем горше было воспринято всеми участниками фестиваля Обращение Союза театральных деятелей Грузии и двух театров — имени Ш. Руставели и К. Марджанишвили, присланное в адрес Международной конфедерации театральных союзов, участников фестиваля и всей мировой театральной общности, с отказом этих театров участвовать в фестивале в знак протеста против якобы враждебной позиции, занятой Россией в отношении Грузии, в военных действиях на Кавказе.

Во все времена подлинное искусство сплавляло, а не разъединяло народы. Участие Грузии в фестивале было бы лучшим тому доказательством. Печально, если политические амбиции преобладают над здравым смыслом и наши грузинские друзья и коллеги останутся глухи к посланному им в ответ призыву сохранить верность прежней дружбе и вековым связям наших культур. Мы еще надеемся, мы еще ждем. Фестиваль продолжается.

Н. БАЛАШОВА.